

**О “СРЕДНЕАЗИАТСКОМ НАПРАВЛЕНИИ” В ПЛАНАХ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА:
МАЛОИЗВЕСТНОЕ ИЗ ИСТОРИИ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

А.И. Пылев

Анализируется место советских среднеазиатских республик в оккупационной политике, предусмотренной руководством фашистской Германии на территории СССР.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; басмачество; коллаборационизм; Туркестанский легион; фашизм.

На тему истории Великой Отечественной войны издан уже не один десяток научных исследований как в России и республиках бывшего СССР, так и за рубежом. Но ее история не может считаться исследованной до конца, пока в ней

остаются “белые пятна” – предметы различных политических спекуляций в настоящее время. К такому вопросу, несомненно, относится проблема коллаборационистов, т.е. “лиц, сотрудничавших с фашистскими захватчиками в странах,

окупированных фашистами во время Второй мировой войны” [1]. Различные политические группировки ряда республик бывшего СССР (прежде всего тех, которых непосредственно затронули военные действия), а нередко и властные структуры в настоящее время содействуют “вольным” трактовкам исторического прошлого, ставя под сомнение вопрос о характере Великой Отечественной войны как войны освободительной, в которой принимали участие все народы СССР. Наиболее наглядные примеры, имевшие место на территории бывшего СССР – слеты ветеранов дивизии СС в Эстонии, мероприятия по празднованию “годовщин” создания латышского легиона СС, присвоение в январе 2010 г. лидеру антисоветских выступлений и формирования украинского националистов в годы Великой Отечественной войны С. Бандере звания Героя Украины и пр. МИД России регулярно привлекал внимание к попыткам “ревизии” истории в ряде государств бывшего СССР, периодически осуждая подобные акции [2; 3]. Проблема, таким образом, переходит из чисто научно-исследовательского в геополитический ракурс; история Великой Отечественной и Второй мировой войн превращаются в арену ожесточенных идеологических баталий.

Историческая наука центральноазиатских республик СНГ, в целом, дистанцируется от попыток, связанных с пересмотром “темных пятен” в истории Великой Отечественной войны. Однако, с учетом возрастающего геополитического значения центральноазиатского региона, представляется целесообразным рассмотреть (по возможности, объективно) некоторые аспекты диверсионной, подрывной и коллаборационистской деятельности на территории данного региона.

В период “холодной войны” некоторые усилия по “ревизии” истории Великой Отечественной войны и вопроса об участии в ней народов СССР, предприняла советология западных стран, в которой работали, в частности, выходцы из среднеазиатской антисоветски настроенной политической эмиграции, а также бывшие граждане СССР, по тем или иным причинам оказавшиеся в западных странах. Однако и в их работах можно найти фактический материал, позволяющий более или менее объективно рассмотреть данный вопрос. В частности, в данной связи привлекают внимание работы известного в Западной Европе, а также в Турции специалиста по истории Средней Азии Баймирзы Хаита. Б. Хаит, выходец из советской Средней Азии,

получил высшее образование в Ташкентском Государственном университете и накануне войны был призван в ряды Красной Армии. Находясь в рядах РККА в звании майора, Б. Хаит попал в июле 1941 г. в немецкий плен; в дальнейшем немецкое командование назначило его “ответственным по идеологической работе среди военнопленных – выходцев из советского Туркестана”. Оказавшись после окончания войны в зоне оккупации войск западных союзников СССР, Б. Хаит избежал репатриации в СССР и реализовал себя как ученого уже в Западной Европе, правда, в определенных идеологических рамках, заданных атмосферой “холодной войны”. Библиографический список Б. Хаита насчитывал к 2000 г. свыше 260 научных работ, главным образом, по тематике истории Туркестана в составе царской России и Советского Союза.

Несомненно, для среднеазиатских республик, в отличие от Прибалтики и Украины, ввиду географической удаленности от зоны военных действий на фронтах Великой Отечественной войны, не был актуальным вопрос о националистических вооруженных формированиях, оказывавших поддержку фашистскому оккупационному режиму, равно как и о коллаборационистах среди гражданского населения, сотрудничавших с оккупационным режимом. Но если учесть глобальные планы фашистского командования в отношении будущего оккупированной советской территории, то Средняя Азия имела в них далеко не второстепенное значение. Фашистские руководители учитывали геополитическое значение среднеазиатского региона, его близость к каспийским нефтепромыслам СССР, с одной стороны, и к английским колониям в Азии, с другой. На какие же факторы могло рассчитывать нацистское руководство, чтобы сформировать “пятую колонну” в таком важном, с точки зрения поставленных ими глобальных целей, регионе? Во-первых, немецко-фашистское командование, ведя войну против СССР, не исключало из своего арсенала не только военные, но и чисто политические методы борьбы. Будучи хорошо осведомленным относительно репрессивной политики советского руководства 30-х гг., оно делало ставку на межнациональные противоречия среди народов СССР, которые, как считали на Западе, должны были еще больше разгореться в ходе войны. Развязав войну против СССР, фашистское руководство рассчитывало на поддержку “некоторых мусульманских этнических групп”, среди которых “никогда не прекращалось скрытое антирусское брожение” [4, с.106]. Особое место

среди этих групп занимали отдельные народы Северного Кавказа, в перспективе также и Средней Азии. Во-вторых, немецкое командование и разведка могли рассчитывать на деятельность диверсионных групп, которые предполагалось сформировать из числа бывших участников басмаческого движения, пребывавших на соседних с СССР территориях, особенно, в Афганистане (в меньшей степени – Китае и Северном Иране). В-третьих, правительство фашистской Германии пыталось при реализации своих замыслов использовать различные группы среднеазиатской антисоветской эмиграции, которые, в разное время покинув территорию СССР, находились на территории государств Западной и Восточной Европы. И, наконец, в-четвертых, уже после начала войны против СССР нацистские руководители стремились привлечь на свою сторону и активно использовать в своих целях военнопленных Красной Армии, среди которых находилось определенное число выходцев из среднеазиатских республик. Рассмотрим более подробно данные факторы и их результаты.

Предполагая формирование “пятой колонны” на территории советской Средней Азии, нацисты рассчитывали воссоздать здесь обстановку, господствовавшую в период активной борьбы с басмаческим движением, которое, как установлено современными исследователями, носило не только антисоветский, но и в принципе антигосударственный характер [5–7]. Как до, так и после подписания советско-германского Пакта о ненападении от 23 августа 1939 г., германская разведка продолжала сотрудничество с бывшими басмаческими группировками и их лидерами, находящимися на тот момент в Афганистане [8; 9, с. 486]. А в годы Великой Отечественной войны со стороны фашистской Германии неоднократно предпринимались попытки использовать диверсионные группы из бывших басмачей на территории советской Средней Азии. Это осуществлялось с двойной целью. Во-первых, подготовка идеологических диверсий, направленных на пропаганду неизбежности поражения в войне, подстрекательство к действиям против центральных властей. Во-вторых, диверсионные группы предполагалось переправлять на советскую территорию с целью диверсий на военных заводах и стратегически важных объектах; причем в составах данных групп находились, по некоторым свидетельствам, помимо бывших басмачей, представители немецкой разведки и местного русского населения [10, с. 3–4]. Советское руководство считалось с этой опасностью

и предпринимало адекватные меры. В частности, территориальные органы госбезопасности СССР, по указаниям руководства страны, составили перечень объектов (главным образом, это промышленные предприятия, электростанции, стройплощадки, НИИ и ОКБ), на которых должна быть усилена оперативная работа, направленная против возможных диверсий и против акций “контрреволюционного саботажа”. В данный перечень оказалось занесено 12 объектов на территории Казахской ССР, 7 – на территории Узбекской ССР, 3 – на территории Туркменской ССР, и 6 – на территории Киргизской ССР [11, с. 318–324].

Помимо подготовки диверсионных акций при помощи бывших басмачей, германским правительством широко использовалась среднеазиатская политическая эмиграция на территории стран Европы. Особо следует отметить деятельность так называемого “Туркестанского национального единства” (ТНО), организации, в учреждении которой принимали участие известные деятели среднеазиатского антисоветского подполья (такие, как М. Чокаев и В. Каюм-хан). Следует попутно заметить, что данное образование, первоначально базировавшееся на территории Турции, поддерживалось государственными учреждениями и официальными лицами стран Восточной Европы, враждебно настроенных по отношению к СССР, в частности, Польшей, известной своей антисоветской ориентацией во внешней политике предвоенных лет. Уже после нападения фашистской Германии на СССР находящимся на территории рейха среднеазиатским эмигрантам было поручено составить списки выходцев из Средней Азии, находящихся в составе военнопленных, захваченных в ходе боевых действий на Восточном фронте против СССР. В 1942 г. среднеазиатские эмигранты (в частности, новый председатель ТНО В. Каюм-хан) начинают, при активной поддержке германского правительства, формировать так называемый “Туркестанский легион” (из числа военнопленных, выходцев из Средней Азии). Позднее легион планировалось использовать в боевых действиях на территории СССР. В августе 1942 г. немецкое правительство официально утвердило ТНО и его руководящий состав как основную организацию, отвечающую за “образовательную и просветительскую работу” в рядах “Туркестанского легиона”. В рамках этой работы издавались брошюры, газеты и журналы, посвященные “тюркской культуре и истории” и пропагандирующие идеологию “тюркизма”. Современные турецкие исследова-

тели подчеркивают “особый энтузиазм” в данной деятельности (написание пропагандистских материалов, брошюр, чтение лекций и т.п.) упомянутого выше Б. Хаита, майора РККА, оказавшегося в немецком плену. Так, в 1943 г. в Берлине Б. Хаитом была опубликована “Краткая история Туркестана”, опубликованная затем Туркестанским национальным объединением. Руководство рейха курировало пропагандистскую работу в рядах “Туркестанского легиона” при участии Министерства по делам восточных территорий [12, с. 44, 51]. Можно также предполагать, что активисты ТНО, в частности, Б. Хаит, стремились действовать по возможности независимо от руководства германского рейха, полагая, что “превыше всего – идеалы независимого Туркестана”, “освобожденного от порабощения большевизмом и коммунизмом”. Но, по данным некоторых других турецких исследователей, “самостоятельность” среднеазиатского антисоветского подполья, именовавшего себя “туркестанским”, была в значительной степени ограничена. Пока в рейхе не ощущалось нехватки живой силы, формирования, подобные “Туркестанскому легиону”, использовались в качестве вспомогательных сил в других оккупированных странах (за пределами СССР), а также с целью пропагандистского эффекта. Но уже в августе 1944 г., фактически на завершающем этапе войны, когда возникла вероятность вступления в войну Турции на стороне Антигитлеровской коалиции, командование сухопутных сил вермахта объявило о передислокации Туркестанского легиона в виду возможных боевых действий на германо-турецком фронте. Однако спустя два месяца немецкое командование объявило о том, что в случае вступления в войну Турции, “военнослужащие туркестанского, азербайджанского, северо-кавказского, татаро-башкирского происхождения в боевых действиях использованы не будут” [12, с. 44]. По мнению некоторых объективно настроенных западных исследователей-историков, действия “антисталинской и антисоветской оппозиции” в подобных условиях навряд ли могли быть эффективными, поскольку, “независимо от своей идейной окраски это были люди, окруженные ненавистью в своей стране и осужденные на суровую расплату за предательство”. Но если этот тезис еще как-то пытались оспаривать антисоветски настроенные публицисты, неоспоримым остается другое – нацисты придавали подобным формированиям “исключительно вспомогательное значение по отношению к главной цели – ограблению” советских территорий [4, с. 106].

Однако сами представители среднеазиатской эмиграции, оказавшиеся на службе у германских нацистов, отказывались признавать этот тезис и после завершения войны. Упомянувшийся нами Б. Хаит в своих исследованиях по Средней Азии склонен рассматривать “борьбу туркестанцев с оружием в руках в годы Второй мировой войны” как “один из этапов” национального движения туркестанцев “за свое освобождение” [13, с. 321]. Для них, таким образом, не существовало советского патриотизма, поскольку они считали своей Родиной не СССР, а Туркестан. В подтверждение подобных оценок, Б. Хаит приводит ряд цифр и фактических данных. В частности, он упоминает, что до 1935 г. представители коренных национальностей Средней Азии вообще не призывались в Красную Армию, а национальные части имелись лишь в подчинении республиканских правительств, в частности, правительств Казахской и Узбекской ССР. Массштабы призыва в Красную Армию резко возросли с начала войны с Германией, однако Б. Хаит подчеркивает, что “точное число призванных в ряды Красной Армии туркестанцев неизвестно” (вместо наименования национальностей среднеазиатских республик намеренно приводится этноним “туркестанцы”; впрочем, это характерно не только для работ Б. Хаита, но и других представителей зарубежной историографии и публицистики). Однако в рассуждениях исследователя содержится немало противоречивых данных. Б. Хаит говорит об определенной опасности “присутствия национальных меньшинств в рядах Красной Армии”, для командования которой были характерны “настроения великорусского шовинизма”. Но в то же время говорится о чрезвычайно большом числе призванных выходцев из среднеазиатских республик в Красную Армию в течение 1941–1945 гг., которое достигало, “по косвенным данным”, около полумиллиона человек. Б. Хаитом характеризуются “ужасающие” условия службы и снабжения военнослужащих-туркестанцев (устаревшее вооружение образцов 20-х гг. прошлого века, снаряжение, предназначенное лишь для “учений и тренировок”) [14, с. 14]. Однако, когда речь идет о мотивах перехода туркестанцев в немецкие лагеря для военнопленных, Б. Хаит говорит о том, что от 95 до 100 тыс. выходцев из советской Средней Азии (а это одна треть будущего Туркестанского легиона, насчитывавшего к концу 1944 г. около 270 тыс. военнослужащих) оказались там, надеясь избавиться от “тяжелых условий службы, холодов, болезней, угрозы голодной смерти” [14,

с. 15]. Все эти обстоятельства, однако, показывают, что для большинства этих людей сознательный политический выбор в переходе на сторону противника играл весьма незначительную роль.

Стремясь показать, вслед за Б. Хаитом, “героизм и трагизм” судьбы Туркестанского легиона, турецкие исследователи рассказывают о событиях, последовавших после того, как в конце 1944 г. подразделения Туркестанского легиона (вместе с другими “национальными формированиями”) были, по распоряжению командования немецких оккупационных сил, подчинены “Русской освободительной армии” (РОА) под командованием бывшего генерал-лейтенанта РККА А.А. Власова. Туркестанская национальная армия, переданная в подчинение Власову, была сосредоточена в тот момент на территории оккупированной рейхом Чехословакии. Отказавшись “вновь в подчинении русского генералитета”, представители “национальных меньшинств” СССР отказались служить “под началом русского командования”. 24 декабря 1944 г. несколько подразделений “Туркестанской национальной армии”, под командованием полковника Гуляма Алимова повернули оружие против немецких оккупационных сил и присоединились к вооруженным отрядам Национальной Коммунистической партии Чехословакии, ведущим борьбу против нацистов. Немецкое командование отменило распоряжение относительно перехода Туркестанского легиона под командование РОА только тогда, когда майор Туркестанской национальной армии Б. Хаит разъяснил: “события могут принять весьма опасный оборот, если данный приказ останется в силе” [12, с. 45–46]. Антисоветски настроенные публицисты на Западе старались продемонстрировать, насколько важной была для “туркестанцев” преданность национальным идеалам, если они были готовы повернуть оружие против фашистов даже на стороне коммунистов, лишь бы не зависеть от “воли русского командования”. Однако имеется и иная интерпретация подобных событий: “при первом же случае бойцы подобных формирований старались дезертировать или перейти к партизанам в надежде искупить вину и заслужить снисхождение” [4, с. 109]. В преддверии завершения войны, в чем зимой 1945 г. уже мало кто сомневался, такая интерпретация выглядит вполне убедительно.

В самом начале 1945 г. руководство ТНО было утверждено германским правительством в качестве “временного правительства” Туркестана, а Туркестанский легион – в качестве бу-

дущих национальных вооруженных сил Туркестана. Одновременно немецкое правительство давало “временному правительству” Туркестана право устанавливать дипломатические отношения с государствами, дружественными Германии [15, с. 325–326]. Зачем, перед окончательным поражением в войне, гитлеровцам понадобились подобные, казалось бы, бессмысленные распоряжения? Руководство фашистской Германии стремилось тогда использовать в своих интересах любые акции, в том числе исключительно пропагандистского характера, чтобы продемонстрировать “уважение прав национальных формирований” из бывшего СССР, главным образом, перед лицом западных союзников советского государства. Так или иначе, разгром Советской армией немецко-фашистских войск и окончательная победа СССР во Второй мировой войне не дали фашистской Германии возможность использовать формирования из военнопленных – выходцев из советской Средней Азии в войне против Советского Союза.

Можно вполне согласиться с теми исследователями, которые говорят о том, что полноценная история “Туркестанской национальной армии” еще не написана. Советские источники по данной тематике весьма скудны, тогда как западные несут на себе определенную печать идеологии “холодной войны”. Масса материалов по коллаборационизму еще остается засекреченной; в России к рассекречиванию документации бывших архивов органов госбезопасности СССР по коллаборационизму приступили фактически только с начала весны 2010 г. Причем первая порция рассекреченных документов связана с деятельностью коллаборационистов на территории Украины [3]. Однако первые выводы на основании имеющихся данных (в том числе и вышеприведенных) возможно и необходимо сделать уже сейчас. Главной проблемой, с которой сталкивалось командование вермахта при вербовке коллаборационистов с территории СССР, в том числе выходцев из республик среднеазиатского региона, на протяжении всей войны, была нехватка людей. Немецко-фашистской агентуре не удалось создать в СССР, в том числе и республиках Средней Азии, даже подобия “антисоветского, антисталинского”, либо хотя бы “антигосударственного движения”, как и более или менее надежных и боеспособных формирований из числа военнопленных. Скорее, можно сделать вывод об идейной несостоятельности организаторов “антисоветских движений”, которые согласились работать на оккупационные силы. И,

соответственно, согласившиеся сотрудничать с оккупантами были обречены лишь на рабское выполнение полученных от немцев распоряжений. А попытки отдельных современных политиков “переписать” историю Второй мировой войны, в том числе “пересмотреть” роль тех, кто сотрудничал с оккупантами, преследуют весьма неблагоприятную цель – уничтожить среди народов бывшего СССР память об общей для всех Победе не только над фашизмом, но и, вместе с ним, над идеями “мирового господства”. Дело современных исследователей-обществоведов (России, СНГ, западных стран), по крайней мере тех, для которых понятие о научной объективности не есть только пустой звук, – объединить усилия и предостеречь новых “гегемонов мировой политики” от повторения прежних ошибок, исправление которых может дорого стоить всему современному Человечеству.

Литература

1. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1985.
2. ИТАР-ТАСС: При президенте России создана Комиссия по противодействию фальсификации истории. URL: www.narodinfo.ru/news
3. РИА Новости: ФСБ РФ обнародует документы по сотрудничавшим с нацистами в годы войны. URL: <http://www.rian.ru/society/20100302>
4. *Боффа Дж.* История Советского Союза. Т.2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг.: Пер. с итал. – М., 1994.
5. *Алланиязов Т.К.* Красные Каракумы. Очерки истории борьбы с антисоветским повстанческим движением в Туркменистане (март–октябрь 1931 г.). – Алматы, 2006.
6. *Пылев А.И.* Басмачество в Средней Азии: этносоциальный срез (взгляд из XXI века). – Бишкек, 2006.
7. *Яблочкина И.В.* Рецидивы Гражданской войны: антигосударственные вооруженные выступления и повстанческие движения в Советской России. 1921–1925 гг. – М., 2005.
8. *Оришев А.Б.* Документы архива МИД РФ о политике нацистской Германии в отношении Афганистана накануне и в годы Второй мировой войны // *Снесаревские чтения '96* / Сост. Т.Н. Загородникова, А.А. Колесников. – Душанбе, 1997.
9. Разгром контрреволюционных сил в Киргизии в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны. Сборник документов. 1918–1920. – Фрунзе, 1982.
10. Архив историко-политической документации. г. Ош. Фонд активных участников революционного движения, войны и труда (Ошская область). Автобиография С.А. Скрипочкина (1899 г.р.).
11. *Демидов А.М.* Деятельность территориальных органов госбезопасности СССР в сфере военной экономики. 1941–1945 гг. (на архивных материалах). – Бишкек, 2008.
12. *Cihangir E.* Dr. Baymirza Hayit'in Hayati / Dr. Baymirza Hayit Aramagani. Hazirlayanlar: Rasim Eksi, Erol Cihangir. – Istanbul, 1999.
13. *Hayit B.* Ueberblick ueber den Charakter der Nationalen Bewegung Turkestans in der Gegenwart / Hayit B. Berichte und Forschungen ueber Turkestan. – Dreisam, Koln, 1997.
14. *Hayit B.* Was geht in Turkestan vor? / Hayit B. Berichte und Forschungen ueber Turkestan. – Dreisam, Koln, 1997.
15. *Hayit B.* Basmacilar. Turkistan Milli Mucadele Tarihi (1917–1934). – Ankara, 1997.